

Изящная бессловесность

Новые известия
№ 1005-16
ср. - с. 6.

Виктор Ерофеев,
«Страшный суд»,
М.: «Зебра Е», 2001

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Не читайте Ерофеева, если вы соскучились по гармонии и порядку. Не читайте его, если вы счастливы. Не читайте, если несчастны. Он вас не утешит в горе и только испортит настроение, если до начала чтения все было хорошо. С какими же чувствами желательно читать этого автора? С чувством вечного, неиссякаемого любопытства. Ерофеев по сути своей исследователь. Он вечный блуждатель по лабиринтам эротического ада. Эта традиция началась в XX веке с романов Генри Миллера и получила название «черный роман». Мы больше привыкли к роману розовому, серому, красному. Однако ничего не поделаешь, в 80-х годах в России появился «черный роман» и, как это ни странно, завоевал симпатии прежде всего интеллигентных тридцатилетних дам. «Русскую красавицу» тысячи рафинированных читательниц поглощают захлеб. Чем объясняется этот феномен? Да просто женщинам надоели комплиментарные романы от Тургенева до Бунина, где все они — неземные создания в белых платьицах. Как ни странно, здесь Ерофеев сомкнулся с феминистским движением. Женщины Западной Европы и США стали требовать, чтобы с ними обращались, как с мужчинами. А мужчины, как известно, друг с другом не церемонятся: «Мы либо преступники, либо дебилы — у нас дебилские рожи и большие гениталии». Продолжая Фрейда и Юнга, Ерофеев отважно пускается со своим героем Сисиним в культурологическое плавание и приходит к неожиданным выводам. Во всех юных цветущих цивилизациях торжествует культ вздернутого фаллоса. Когда же культура вырождается и ослабевает, она стремится обратно в пещеру, в лоно, и потому на всех полотнах крупным планом отнюдь не мужские, а женские подлинники и символы. Я смягчаю и сглаживаю стиль Ерофеева, чтобы не прибегать через каждые десять слов к ненормативным обозначениям символов плодородия. Скажу опять же в смягченном виде: наш век — это Век Лона. Вот вокруг него в романе все и вращается — грубо, с навязчивым и отталкивающим натурализмом.

Шокинг Ерофеева — явление хроническое. Он не дает читателю даже минутной или секундной передышки. Только грязь, только зловоение, только безобразие. Отдохнуть мы можем только за пределами романов Ерофеева, читая его изысканные эссе. Странно, там нет и отдаленного намека на ужасы его романов. Но читатели любят отнюдь не эссе, а именно романы Виктора Ерофеева. Вывод прост и ясен: цивилизация стала слишком пресным блюдом для современного человека. Для литературного простолюдина вполне достаточно детективной мочилочки, а для изысканного аристократа духа нужны фекальные изыски Сорокина и Ерофеева. Я бы назвал это эстетическим извращением, если бы это

давно уже не сделалось нормой. Читатель сам решает, что ему нужно, и решение это в пользу Ерофеева.

А теперь уместно вспомнить, что мировая литература всегда испытывала потребность в шокинге. Вспомним героя Рабле, который чем только не подтирался, даже голубем, и вспомним самого Рабле, который на описание подтирок своего героя отводит аж полторы страницы. послушайте, если это читают, значит, это кому-то нужно, «значит, кто-то называет эти плевочки жемчужинами». Загадочен человек и загадочен мир. Я ловлю себя на мысли, что Виктор Ерофеев становится уже слегка архаичным. Такое ощущение, что его проза осталась где-то за шлагбаумом третьего тысячелетия — в 1980-х и 1990-х. Однако нынешние гонения на современных писателей несомненно вдохнут новую жизнь в его прозу и разбудят к ней новый, весьма живой интерес.

«Я не утешитель, я врач», — говорил Чехов. Современный писатель может сказать о себе: «Я ваша болезнь». Будущие филологи подсчитают, сколько раз употребил Ерофеев слово «ватка» в своих романах. Оно у него какое-то особое, ключевое. Вокруг этого Фрейд или Юнг могли бы много выстроить, что-нибудь вроде русских сутробов и детской игры в снежки со всеми вытекающими последствиями. Думаю, что здесь еще вариация знаменитой «ветошки» Достоевского. Герои Федора Михайловича все время спрашивают себя: «Человек я или ветошка (тряпка)?». А герои Ерофеева орут: «Я ватка, ватка!». Странно, однако, начинается в России новый литературный век. Писатели все еще соревнуются в нагнетании отрицательных эмоций, а читатели все еще потирают ручки и подхихикивают. Возможно, что и те, и другие все еще мстят за несбывшиеся надежды. Слишком много ждали и ждут в России от литературы. Она ведь всего лишь навсего, как говаривали раньше, изящная словесность. Была изящная — стала безобразная. Возврат к былому изяществу уже невозможен. «Добро пожаловать в словесный ад, дорогой читатель», — говорит писатель. «А где я, по-моему, нахожусь?» — отвечает читатель. Была изящная словесность, потом наступила советская бессловесность. А теперь терпите, пока мы не выскажем все, что думаем об этой прошедшей эре.